
**СЫСКНАЯ | 150 ЛЕТ НА СВЕТОЙ СТОРОНЕ СИЛЫ,
ПОЛИЦИЯ | ОХРАНЯЯ ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!**

Читайте романы неподражаемого автора
исторических детективов Антона Чижана:

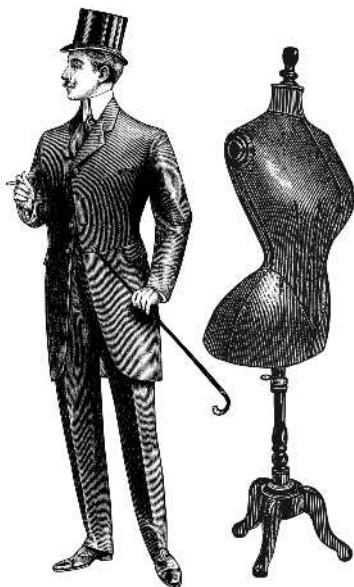

ТАЙНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
ПЯТЬ КАПЕЛЬ СМЕРТИ
ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА
АРОМАТ КРОВИ
ИЗ ТЬМЫ
ПЕПЕЛ И ПУРПУР
МЁРТВЫЙ ШАР
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ОРФЕЙ
СМЕРТЬ МУЖЬЯМ

А Н Т О Н

Ч И Ж

С М Е Р Т Ъ М У Ж Ъ М

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Дизайн серии *Петра Петрова*

Ранее книга выходила под названием
«Тайны мадам Живанши, или Смерть мужьям»

Чиж, Антон.
Ч-59 Смерть мужьям : [роман] / Антон Чиж. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (150 лет Российской
сыскной полиции).

ISBN 978-5-699-97417-7

Убийства и мода порой идут рука об руку. Неукротимый коллежский секретарь Родион Ванзаров и его ироничный старший друг и коллега криминалист Аполлон Лебедев расследуют серию загадочных преступлений в Северной столице: жертвы заколоты насмерть... шляпными булавками! Казалось бы, изящное украшение, кто мог догадаться использовать его в качестве холодного оружия возмездия?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97417-7

© Антон Чиж, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Господа!

Нашими радостями, не имеющими в себе ничего пошлого, нашим близким общением с природой, нашей общей жизнью с дорогой мы основали новое и могущественное единение — франкмасонство открытого воздуха! Благодаря велосипеду, способствующему нашему сближению, когда только мы этого пожелаем, мы научились знать, уважать и любить друг друга, так как велосипед часто служит к устранению предрассудков и грустных недоразумений в наших личных отношениях! Велосипед дал новую формулу братского общения. Вот почему, несмотря на то, что искусство убивать друг друга и пользоваться велосипедом наравне с голубем и собакой — символами любви и верности, я пью за единение народов при помощи велосипеда — символа человеческой свободы!

**Тост, произнесенный
доктором Филиппом Тисье
на митинге велосипедистов в Бордо, 1895 г.**

• ХАНДИКАП

Пока запрягают лошадь, пока нанимают извозчика, пока едут до поезда и ждут его отхода, велосипед под управлением хорошего ездока уже летит по дороге к доктору, в аптеку, в пожарное или полицейское бюро. На велосипеде почти всегда можно достигнуть намеченной цели гораздо скорее, чем при всяком другом способе передвижения.

**Современный велосипед:
выбор его и применение. 1895, С.-Пб.**

• 1 •

Нет более терпеливого и неблагодарного жителя во всей Европе, чем обыватель петербургский. Характер его решительно испортила погода. Принужденный сносить морозы, дожди, ветры, наводнения и прочие ненастья, он так приучается отчаянно бранить непогоду во всех ее чудесах, что когда, наконец, выглядывает весеннее солнышко, измученный столичный житель не способен расправить крылья души своей и воспарить над серыми буднями. Непременно примется ворчать, что ветер силен или что облаков многовато, а значит, надо тащить на себе зонт, или придумает еще какие-ни-

будь глупейшие отговорки, чтобы только не радоваться наступившему погодыю. Однако и он, напялив теплую шляпу, чего доброго закутавшись шарфом, а может, и нацепив калоши, выбежит на Невский проспект, чтобы, жмурясь, как кот после спячки, прогуляться по его мостовым, наблюдая и разглядывая толпу соплеменников.

И есть на что посмотреть!

Петербургские дамы полагают святым долгом отметить долгожданный погожий денек разמודнейшим нарядом под изящной шляпкой — и с недовольным мужем под ручку, которого выволакивают, как медведя из берлоги. В солнечный день Невский расцветает особым восторгом. Сколько проносится взглядов, оценивающих и понимающих, завидующих и восхищенных, заигрывающих и намекающих, так что кажется: океан радости, любви и кокетства изливается из сердец теплой потокой с легким запашком страсти... Так ведь нет! И в этом пире жизни и буйстве моды наш мрачный критик найдет, чем быть недовольным. Что тут поделать: погоду, как и жену, не выбирают. Уж такой он, как есть: мрачный обличитель природы столичной мерки.

В июньский полдень 1895 года причины для недовольства атмосферой выискывать не пришлось бы и завязатому оптимисту. С безоблачного неба солнце палило с такой наглой нещадностью, что случившуюся жару иначе как «сенегальской» и назвать-то нельзя было. А ведь известно, что пекло в Сенегале страшное. Их местное население приучено коротать деньки под пальмами, а наш столичный обыватель стараниями Петра Великого пальм лишен напрочь, разве видит их в кадках по ресторанам, да баням, да гостиницам. Так что прятаться ему остается по дачам да квартирам.

В этот час Невский проспект, пыльный и плохо метенный, по обычному старанию дворников, пустел, как картина нерадивого живописца, которому лень пририсовать фигурку-другую. Редко-редко проходила дама в светлом платье, по моде сезона закрыв лицо белой вуалью, проезжал несчастный извозчик, пропаренный, как самоварный сапог, или пробегали по мелким делишкам служащие контор. Пустынен и раскален Невский в этот час. Да и кому охота, в самом деле, торчать в печке.

Городовой Ендрыкин, заступив на пост на углу Караванной улицы в восемь утра, к нынешнему часу умаялся так, что не мог и ногой пошевелить, хотя ему полагалось для наблюдения порядка делать обход на прилегаемой территории. Белая полотняная рубаша, пропитавшись потом, липла к телу мерзкой змеюкой, португеею оттягивала проклятая шашка, а летняя фуражка грела темечко не хуже ушанки. Ендрыкину было уже глубоко безразлично: шляются ли нищие попрошайки по парадному проспекту, проезжают ли обнаглевшие ломовые извозчики, орудуют ли карманники и цыганки. Выполнять охрану порядка как должно жара никак не позволяла, а проезда высочайших особ, к великому счастью, не предполагалось. А раз так, то и напрягаться нечего. Подперев угол дома, и без того прочный, Ендрыкин мог думать только о кружке холодного кваса или, на худой конец, — рюмке водки, хотя по такой жаре какая водка, в самом деле?

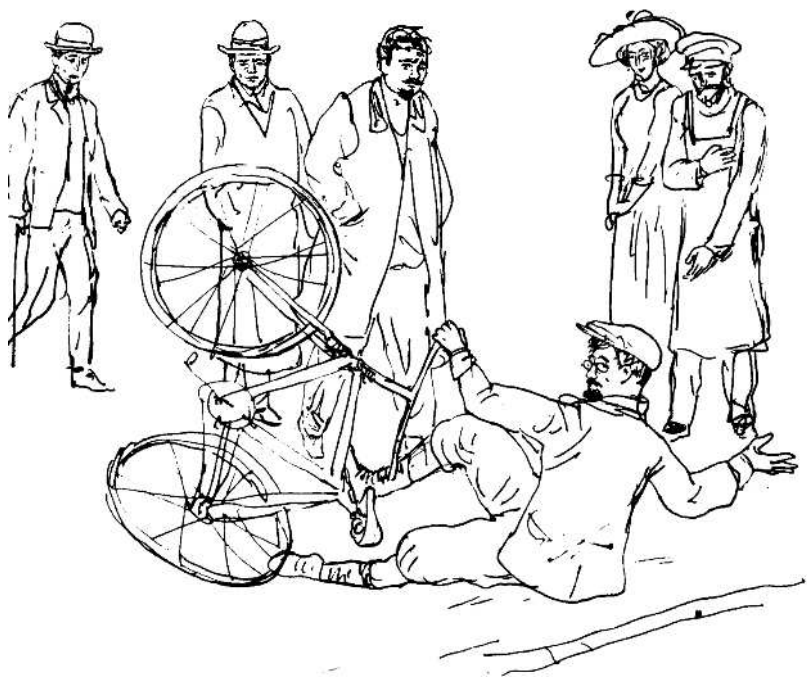
Разморенное спокойствие было нарушено отдельными криками скорее восторженного, а не подстрекательского свойства. Приподняв козырек и сощуриив осоловевшие очи, Ендрыкин оценил назревавшее происшеств-

вие. Неуверенно вертя колесами, по кромке тротуара ехало наимоднейшее чудо техники, последний писк городской моды и проклятье всех городских — двухколесный велосипед. Управлял рогатым транспортом прилично одетый господин в дорогом костюме, отличавшийся от прохожих высокими ботинками на шнуровке, гетрами и английским кепи, а также приятным, чуть задумчивым лицом, украшенным золотым пенсне.

Господин яростно добивался равновесия, пытаясь поймать его за хвост, но равновесие подло ускользало, отчего ездок лихорадочно дергал руль и петлял передним колесом, как заяц на травле. Ендрыкин, ненавидевший подобных субъектов, о которых господин градоначальник составил самое отрицательное мнение, вылившееся в строгие правила борьбы с велосипедами силами наружной полиции, сразу понял, что наездник сел в седло недавно и ездить толком не умеет. А проспект — не место для ученических художеств. Немедленно собравшаяся толпа зевак подбадривала велосипедиста разнообразными замечаниями, в которых одобрение болельщиков смешивалось с язвительными издевками над неумехой.

Между тем господин, отчаянно сражаясь с силой тяжести, неудачно вывернул руль, застыл в воздухе, как показалось гороховому, и со всей дури приложился об мостовую, успев широко раскинуть руки. Колеса взвились к небесам, толпа наградила трюк хором смешанных возгласов. Далее терпеть нарушение инструкций было невозможно, Ендрыкин оторвал взопревшую спину от теплого кирпича, намереваясь навести порядок.

Но в это мгновение внимание его привлек другой субъект. Был он росту не так чтобы крупного, чуть более двух аршин, одет как приказчик из мелкой лавки и отли-

чался ярко-рыжими патлами над обширной бородой. Внутренний опыт, который городской копит годами более-менее беспорочной службы, заставил Ендрыкина не отвести взгляд. Что-то показалось неправильным в невзрачном прохожем. Молодой человек носил бороду и усы и как-то уж слишком прямо держал спину, словно боялся уронить хрупкую вещь, и всматривался, не отводя глаз, в толпу вокруг упавшего велосипедиста. Стоял и стоял, не шевелясь, посреди улицы.

И тут от жары или чего другого Ендрыкину вдруг привиделось, что шляпная коробка, которую держал странный приказчик, сама собой дернулась как живая. Что бы это значило, городской сообразить не успел, потому что юноша на негнущихся ногах повалился на бок, словно подрубленное дерево, и плашмя, со всего размаха, ударился головой о булыжники тротуара. Коробка грохнулась рядом. Ни звука боли или разочарования не послышалось.

Улица, мгновение назад пустынная, наполнилась прохожими, появившимися откуда ни возьмись. Обморочного обступили плотным кольцом. Посыпались советы и мнения, чья-то рука коснулась его спины, кто-то нагнулся ниже, чтобы рассмотреть его лицо, кто-то просил достать воды или хоть обдать свежим дуновением. Родились предположения, что у молодого человека обморок от духоты и прилива крови к голове. Появились и мнения насчет его трезвости. Как вдруг шляпная картонка, покойно пребывающая в пыли, резво дернулась и подскочила коломком. Нервные дамы, наказанные за любопытство, заверещали дурным визгом. Толпа отшатнулась.

Вконец осознав, что и на такой жаре пришла пора принимать меры, Ендрыкин засвистел ближайшему на-

парнику, показывая знаками, чтобы тот занялся велосипедистом, а сам подбежал к лежащему приказчику. Стараясь не смотреть на ожившую коробку, Ендрыкин коснулся шеи потерявшего чувства, надавил вену и не нашел пульса. Дыхания тоже не было. Как и признаков жизни. Можно не сомневаться, городской получил на свою голову самое гадкое, что может случиться на дежурстве: внезапный труп среди бела дня.

Прикрикнув на ротозеев, чтоб не толпились, Ендрыкин призвал на помощь городского с ближайшего поста. Требовалось скорее избавиться улицу и восприимчивых прохожих от мертвого тела.

Несчастливого подняли за ноги и плечи, лицо закрыть было нечем, а загадочную поклажу уместили на животе. Надрываясь от тяжести, Ендрыкин обливался потом и поносил на чем свет стоит негодя, посмевшего умереть от жары на его участке, но так и не посмел взглянуть на коробку напрямик. Все ему казалось, что она живая и шевелится. Не иначе нечистая сила вселилась. Хотя откуда бы ей взяться на таком пекле.

● 2 ●

Будь ее воля, Аграфена Прохоровна ни за что бы не са на улицу не высунула. Так бы и сидела перед открытым окошком, обмахиваясь да попивая морс. Так ведь упрямая кухарка вечно напутает: вот опять купила вместо муслина дешевейший ситчик. А как из ситца пошить достойное платье для обожаемой доченьки? Разумеется, никак. Закрываясь кружевным зонтиком, который

создавал дырявую иллюзию тени, мешанка и домовладелица Степанчикова, дама пышных форм и обширного сердца, покинула прохладный уголок и, только ступив на мостовую, излила все проклятья на голову глупой кухарки. Страдая от каждого шага, она кое-как добралась до Мучного переулочка, где муки жары стали совершенно нестерпимы.

Достав фуляровый платочек, Аграфена Прохоровна принялась обильно обмахиваться и наблюдать по сторонам. В открытом окошке она заметила чиновника, усердно трудившегося над бумагами. Материнское сердце, даже измученное непогодой, сразу отметило молодого человека. Был он коренаст, крепок в плечах и чисто выбрит. Выражение лица имел строгое, но без заносчивости, черты хоть немного крупноватые, но не портившие общий молодецкватый вид. И вообще казалось, что юноша умен и солиден не по годам. От такого зятя мадам Степанчикова не отказалась бы. Сразу видно — человек надежный, солидный и старательный, и семью прокормит, и карьеру сделает, и жену любить будет, а уж тещу — тем более, куда ему деваться. Аграфена Прохоровна стала оглядывать здание, в котором обитает этакое сокровище, и, к досаде своей, определила: всего-навсего полицейский участок Казанской части. Достоинства возможного зятя резко поблекли в глазах домовладелицы, она вздохнула о своем, то есть о непристроенной доченьке, и направилась в лавку за материей.

А «сокровище» в окошке не подозревало, что его так быстро оценили и забраковали на предмет семейного счастья. Не заметил он не от отсутствия природной смекалки или наблюдательности, которых было предоста-

точно, а по заурадной причине огромной занятости: чиновник сосредоточенно писал в бумагах. Любопытный посетитель участка, да хоть мы с вами, не посмел бы беспокоить столь важное занятие без существенного повода. Но если бы нам хватило смелости заглянуть занятому чиновнику через плечо, то обнаружили бы, что на листке писчей бумаги равномерно появлялись чернильные кружки и тут же зачеркивались крест-накрест. Таким нехитрым способом молодой человек не столько изобразил усердие, сколько выпускал пар тихого бешенства.

Вот уже две недели как отбывал он ненавистную каторгу в этом участке... Ах да! Неприлично все же говорить о ком-то в абстрактном роде, не представив личную характеристику. Молодой человек был не по слову молод, ему не исполнилось еще и двадцати трех лет, что не помешало иметь уже чин десятого класса, то есть — коллежского секретаря. Происходил он из не очень богатой, но достойной фамилии, предок которой перебрался в Россию в конце восемнадцатого века из Баварии, был самых широких взглядов, в результате чего, а также трех поколений дедов и бабок в юноше оказалось намешено разнообразие кровей, что обычно дает незаурядные умственные способности. Фамилию юноша носил благозвучную, но редкую — Ванзаров, а крещен был Родионом. Отец его состоял на государственной службе по Министерству просвещения и не видел иного пути для своего младшего отпрыска, как последовать своему примеру. Так что Родион, окончив гимназию с отличием на два года раньше сверстников, отправился в Петербургский университет.